

Б.Г. Алиев

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ ДАГЕСТАНСКОЙ СВОБОДНОЙ ОБЩИНЫ (XVII–XIX ВВ.)

Среди различных функций дагестанской свободной общины по руководству жизнью джамаата особое значение имели хозяйственные функции, так как они были связаны с экономической жизнью самой общины как корпорации или сообщества свободных узденей, имевших свои собственные земли в виде свободно отчуждаемого мюлька и коллективных, или всеобщих, общинных земель, на которые общинники имели юридически одинаковые права пользования. Эти две формы собственности как носители индивидуального и коллективного являлись основой экономической жизни в джамаате, основой ведения земледельческого и скотоводческого хозяйства, которыми руководила община независимо от того, велись ли данные виды хозяйственной деятельности общинников на частной – индивидуальной или же на коллективной – общеджамаатской земле. Это основная хозяйственная функция дагестанской свободной общины, базирующейся на частной, индивидуальной и коллективной – общинной собственности на землю. Такой дуализм в земельной собственности практически скреплял саму общину, ибо обе формы собственности на землю дополняли друг друга, и все равноправные общинники как члены единого коллектива были заинтересованы в укреплении и своей индивидуально-частной, и в то же время коллективной – общинной, общей для них всех собственности.

Поэтому община и занималась хозяйственной жизнью и руководила ею независимо от того, в чьей собственности находилась земля.

В чем же выражались хозяйственные функции общины? Они прежде всего заключались в регулировании пользования землей и проведении различных сельскохозяйственных работ, связанных как с земледелием, так и с животноводством.

Но прежде чем говорить о хозяйственных функциях общины, отметим, что в частной собственности находились в основном пахотные и покосные участки, а в общинной – пастбища, выгоны, леса, частично сенокосы и отдельные пахотные участки.

Регулирование общиной пользования землей начнем с общинного землевладения как непосредственной собственности самой общины, представляющей общество свободных, равноправных узденей.

Как уже отмечалось в исторической литературе и было широко показано в работах отдельных исследователей (*Алиев Б.Г.*, 1975. С. 156–171), в собственности свободной общины Дагестана имелись 4 формы землевладения: земли одной общины или селения; земли двух или нескольких общин; земли, которые находились в пользовании всех общин (джамаатов), входивших в один и тот же союз; земли, находившиеся в совместном пользовании общин, входивших в разные политические структуры.

Пользование всеми категориями общественных земель одной или нескольких общин и землями совместного владения регулировалось общинами на основе адатов и договоров, заключенных между ними или их союзами. Но в пользовании общинными землями, кроме общих положений, в разных селениях существовали и свои особенности. В небольших селениях общинными пастбищами пользова-

лись свободно, пасли стада на всех пастбищах. В больших же селениях общинные пастбища делились по частям, а внутри них – по кварталам, что было связано с делением селений на части и кварталы, возникшие с образованием территориальных селений. Это было характерно для всех крупных селений. Община регулировала поквартальное пользование пастбищами и определяла, на каких пастбищах пасти тот или иной вид скота. Так, в адатах Технуцала сказано: «Табунщик обязан выгонять стадо на указанное джамаатом место» (Памятники обычного права..., 1965. С. 138). «Пастух не имеет права пасти стада там, где не разрешено обществом», – говорится в адатах ункратлинцев (Памятник обычного права ..., 1965. С. 154).

Свободная община большое внимание уделяла рациональному использованию пастбищ. Исследуя хозяйство аварцев, С.Х. Асиятилов пишет: «Строго разработанные правила передвижения скота с зимних на весенне-летние пастбища и на альпийские луга, и обратно, характерные для андалальского, гидатлинского, келебского, бого-чамалальского, андийского сельских обществ, были вызваны необходимостью наиболее рационального использования природных ресурсов и рабочих рук» (Асиятилов С.Х., 1967. С. 47). Особую заботу община проявляла о рабочем скоте, для которого выделяли наиболее хорошие пастбища, на которых запрещалось пасти иной скот.

Община устанавливала конкретные сроки пастбы скота на тех или иных пастбищах. «Если пастух выгонит скот на луг прежде, чем позволит ему общество, – сказано в адатах дидойцев, – то с него взыскивается одна мера какого-либо хлеба» (Из истории права..., 1968. С. 58). За выгон на общественное покосное или пастбищное место стада в запрещенное время в Урахинском обществе с пастухов в пользу исполнителей взыскивались: за баранов – два лучших барана, за крупный рогатый скот – один бык (Адаты даргинских обществ, 1873. С. 96–97).

Ряд общин сдавал свои пастбища в аренду своим же овцевладельцам за определенное количество овец. В с. Гинта (Акуша-Дарго) овцевладельцам сдавались в аренду горные пастбища Кавкала хЯлала и Гъумрила бекI. Полученные за аренду овцы делились между хозяйствами по количеству едоков (Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С., 1970. С. 163). В с. Меусиша (Каба-Дарго) своим барановодам сдавались в аренду пастбища Шилкья къади и Шингъала. Плату использовали на нужды джамаата (Полевой материал 1967 г.).

В с. Рича были пастбища (сувар), которые делились между бедными членами джамаата (Полевой материал 1971 г.).

Нередко община сдавала свои пастбища в аренду и другим обществам. Полученный доход (бараны, деньги и т.д.) в одних общинах использовали на нужды джамаата, например, в Бежта (Полевой материал 1972 г.), в других – на ремонт и строительство дорог, водопровода и источников, мечети и т.д., как, например, это было в с. Ураги (Сюрга), которое сдавало пастбища Аргибан, Цумакира, Аядирка, Мужела къари, Хула къунтIала, в третьих – доход делили между хозяйствами или членами общины (Джибахни, Кочхюр, Курах и т.д.); в четвертых – одну часть дохода делили между тухумами (как, например, у дидойцев), а внутри них – по хозяйствам, а другую – использовали на строительство дорог, мостов, проведение водопровода и т.д. Много пастбищ сдавали в аренду общины рутульцев, ричинцев, фитенцев, ахтынцев и др. (Феодальные отношения..., 1965. С. 136, 137, 275; Дагестанская область..., 1890. С. 209–219; Маршаев Р.Г., 1957. С. 114).

В период выпаса скота на джамаатских пастбищах община запрещала держать в селении скот, кроме того количества, которое разрешалось. «Запретить ос-

тавлять овец джамаата, кроме одной овцы, оставляемой в селении, чтобы резать для почетных гостей, а если найдется больше одной, то исполнители имеют право зарезать и съесть ее», – сказано в адатах с. Усиша (Из истории права..., С. 235–236). Летом разрешалось держать дома в Мургуке не более 5 овец (Алиев Б.Г., 1972. С. 135), в Акуша – не более двух баранов, в Мекеги – не более одного барана или козла, в Муги – не более одного барана (Адаты даргинских обществ, 1873. С. 42, 47, 69).

Община регулировала пользование общественным лесом также согласно существующим адатам и традициям. Но в разных обществах имелись и свои особенности. В обществах, где было много леса, им пользовались свободно, как, например, это было в Кайтаге («беспрепятственно»), во многих обществах Южного и Горного Дагестана (Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге..., С. 36–37). Там же, где леса было мало, пользование им регулировала община. А в общинах, где были разные по качеству леса, одними участками она разрешала пользоваться свободно, а другими (например, строительным лесом) – только по ее разрешению.

В ряде общин лесные участки, как и пастбища, делили по кварталам, а внутри них – по хозяйствам. В с. Киша леса делились по числу кварталов. Через 7 лет одну из этих частей по жребью делили между кварталами (Алиев Б.Г., 1975. С. 184–185).

В Кубачах все леса ежегодно делили на 12 частей по числу кварталов, а внутри них между хозяйствами (Полевой материал 1967 г.). В Рутуле и в Гапшима леса были закреплены за кварталами (ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 140-в. Л. 134; полевой материал 1967 г.). Но наиболее распространенной формой пользования общественными лесами был передел их через определенное время между всеми хозяйствами общины. Была и такая форма пользования лесом, когда община выделяла каждому хозяйству определенный участок, как например, в с. Н. Мулебки (Каба-Дарго), или же определенное количество деревьев. В Телетле леса делили через каждые 3 года (Саидова М.В., 1947. Л. 125). В с. Гинта (Акуша-Дарго) из лесного участка ВацIа делили деревья по хозяйствам раз в 5–7 лет (Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С., 1970. С. 163). В с. Урахи (Каба-Дарго) участок леса ГинцIила делили только через 10–15 лет, и то выделяли только по 6 деревьев каждому хозяйству. В с. Мургук (Каба-Дарго) были участки леса, которыми пользовались через 5–10 и даже 15–20 лет (Алиев Б.Г., 1972. С. 139). В Акуша перед обзаведением самостоятельным домашним очагом разрешалось рубить из общественного леса в местности Кумра къакъа две арбы дров жениху и одну – невесте (Магомедов Р.М., 1967. С. 182; полевой материал 1962 г.).

В отдельных общинах, как например, в Дзилебки, имелся участок Гама хьунрала вацIа (лес вдов), которым имели право пользоваться только те хозяйства, где были представители мужского пола (Полевой материал 1970 г.) Часто общины лесные участки объявляли заповедными, и они охранялись ею особо строго. Они предназначались только для нужд джамаата. «В некоторых селениях, – говорится в одном источнике о Табасаране, – особенно узденской части, есть так называемые заповедные рощи, лесные материалы из которых употребляются исключительно по надобностям общественным, как-то: для постройки мечетей, мостов и др. общественных построек (ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 6). Такие лесные участки имели Рутул (участки ТIиде и Кинухъ), Бежта (участок НикIи рохъ) (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5037) и т.д.

Общественные сенокосы общины, как правило, делили между всеми хозяйствами. «...в некоторых селениях, – говорится в источнике о Верхнем Кайтаге, –

имеются общественные покосные места, которые делятся между всеми хозяйствами по жребью» (ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 30. Л. 22). В другом источнике указывается, что общественные покосы 6 селений Урчемуля и с. Киша также «делятся между всеми хозяйствами на равные участки по жребью» (Феодальные отношения..., 1969. С. 224). Так пользовались общественным покосом в общинах Акуша-Дарго, Каба-Дарго, Сюрга, Агула, Дидо (Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С., 1970. С. 162; Алиев Б.Г., 1972. С. 102; полевой материал 1970–1972 гг.).

Ряд общин свои сенокосы обычно ежегодно делили по кварталам, а внутри них – по жребью между хозяйствами. Так было в с. Усиша, Бутри, Меусиша, Киша, Уркарахе. В Ахтах их делили через 3 года, в Лиша – через 7 лет (Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.С., 1970. С. 162; полевой материал 1966–1969 гг.). Согласно источнику, в с. Гапшима все 14 сенокосных участков издавна были разделены между тремя кварталами и закреплены за ними, и они пользовались «угодьями первоначально выпавшими на долю каждого из них». Четвертый квартал, образовавшийся впоследствии, не получал пая из этих покосов (ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 140-в. Л. 235). Аналогичное пользование общественными землями (участок Ханзал-гок) было в Чиркее, где из 173 хозяйств этим участком пользовались только те хозяйства, которые были в XVII в. во время его покупки у эндиреевского феодала (Мансуров Ш.М., 1995. С. 78). В Цудахаре землей в местности Гудабури также пользовалась только часть жителей. Эта земля давно была захвачена у соседей (Мансурова А.Г., 1995, С. 76.). У каратинцев участки из общинных покосов получали 4 равноправных тухума, а внутри них по жребью наделяли всех мужчин от младенца до старца в равном количестве. Тухумы из зависимых сословий не наделялись землей (Агларов М.А., 1964. С. 189). В с. Шукты (Акуша-Дарго) община не выделяла вдовам пая из своих покосов, им выделялись участки для сена на кладбище (Полевой материал 1963 г.).

В ряде общин сохранились и более архаические формы пользования покосами сообща. Так, в Цудахаре по решению общины, которое объявлял мангуш, в один из дней жители выходили на покосы Алугъни и Бурти-мурби и косили сено, кто сколько мог (Алиев Б.Г., 1966. Л. 152). Так пользовались общинными покосами и в Цахуре, Рутуле (участки между пахотами), Дидо (Полевой материал 1971 г.; Агларов М.А., 1964. С. 190). В последних «в определенный период сенокосения в объявленный джамаатом день косари толпой устремлялись на покосы и произвольно огораживали себе приглянувшиеся участки, и лучшие из них доставались тем, кто раньше других достигал покосов» (Агларов М.А., 1964. С. 190). Анализируя это, М.А. Агларов пишет: «Этим своеобразным, спортивным соревнованием устанавливалось право «первозаимщика». Идейной основой этому порядку, видимо, служило древнейшее право племени на ту территорию, которую оно заняло во время расселения... Это право «первозаимщика», наиболее древнее по своему происхождению, было распространено в Аварии» (Агларов М.А., 1964. С. 190). Такие же покосы были в Бежта – Окъкъа и Иконтль, в Хошар-хота – Родор, Цоцрокъа, Чихрикъа и Тирока (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 541. С. 87,100; полевой материал 1973).

В ряде общин были и другие архаические формы пользования общинными сенокосами. Как и в предыдущем случае, покосы в этих общинах не делились по хозяйствам или кварталам, а в определенный день взрослое население шло на покос и сообща собирало сено, которое раздавали поровну между хозяйствами, участвовавшими в его сборе. «Сено, если оно скошено общим трудом, – сказано в

одном из источников о Южном Дагестане, ... – делится на все общество» (Феодальные отношения...1969. С. 136). Также пользовались общинными покосами в с. Худуц (Буркун-Дарго) (Полевой материал 1967 г.). А в Тлярата в день сенокоса, который определяла община, из каждого хозяйства шел только один представитель, который и уносил скошенное сено (Полевой материал 1982 г.).

Отдельные общины (например, в Акуша-Дарго) сенокосы сдавали и в аренду, доход с которых использовали на нужды джамаата (Полевой материал 1963 и 1971 гг.).

И общинными пахотными участками пользовались по-разному. В одних общинах сохранялись более архаические формы пользования ими, когда участки делились ежегодно (например, в Шукты, где делили участки Карабасана и Занихьай) (Полевой материал 1963 г.). Но в исследуемый период наиболее характерным было деление общинной пахоты через 3–5–7 лет. В Усиша и Тимугле пахотные участки делили через 3 года, в Гидатле и в Акуша-Дарго – через 7 лет (Полевой материал 1966 г.; *Магомедов Д.М.*, 1974; Гидатлинские адаты, 1957. С. 29).

В ряде обществ общинные пахоты делились по кварталам. В с. Гапшима они, как и покосы, были распределены между тремя кварталами, без учета числа хозяйств (ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 140-в. Л. 233–234). Так пользовались общинными пашнями и в Аштах (Полевой материал 1967 г.). В отдельных селах Тальского общества даже в 60-х гг. XIX в. пахотные земли делили между тухумами, а внутри них поровну между хозяйствами (*Петрушевский И.П.*, 1934. С. 201). В табасаранском узденском селении Кемах пахота (100 капанов, или 25 дес.) отдавалась жителям по усмотрению общины, в «распоряжении и пользовании которой находилась она» (ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 6).

Пользование совместными землями, куда входили в основном пастбища и леса, зависело от договоренности их совладельцев – общин. В одних общинах такими землями пользовались, как и когда хотели, как например, горой Хьибусай ричинцы и хореджицы; горой Херуслими – кубачинцы и зильбачинцы (Полевой материал 1968 и 1972 гг.). На ряде совместных пастбищ совладельцы общины пасли определенный вид скота или только овец (Тлярата, Мехельта) (Дагестанская область..., 1890. С. 155); волов, баранов и лошадей (Рихуани, Ботлих) (Дагестанская область..., 1890. С. 137).

На некоторых совместных пастбищах одни общества пасли один вид скота, другие – иной. На горе Дутля, например, кубачинцы пасли овец, а сулевкенцы – лошадей (Феодальные отношения..., 1969. С. 225).

Пастбищами, находившимися во владении всех общин одного союза, их жители пользовались на равных правах. Так, в гидатлинских адатах сказано: «Горы под названием «Ахвах мурул», земли при Большой речке и земли селения Хучада являлись общими поровну между всеми шестью селениями, составлявшими гидатлинское общество» (Гидатлинские адаты, 1957. С. 7). На горных пастбищах Андийского союза, простиравшихся на значительной территории северо-западного склона Андийского хребта, каждое из семи селений (Анди, Гигатль, Гунха, Риквани, Ашали, Зило и Чанко) могло пасти стада овец и табуны на любых участках (*Агларов М.А.*, 1964. С. 189).

Многими совместными пастбищами пользовались только с разрешения совладельцев общин или их союзов. «Если кто-нибудь разрешил пасти отары овец на горе без согласия на это со стороны шести аулов (Урада, Гинта, Тидиб, Хотода, Гоор, Кахиб) и селений Ратлу и Ахвах, – сказано в гидатлинских адатах, – то с него взыскивается четырехгодовалый бык» (Гидатлинские адаты, 1957. С.37)

Аналогично пользовались совместными землями и в других общинах и их союзах. Так, в соглашении селений Мич и Ригитль сказано: «За тем, кто разрешил гнать овец на гору Гид, Ригитль и Ахал, без согласия Гид, Ригитль и Ахал, четырехгодовалый бык» (Из истории права..., 1968. С. 225).

Общины регулировали пользование и совместными пастбищами разных политических структур. Так, по показанию представителей Губдени в сословно-поземельной комиссии, горой Губдень-Таулар «почти одинаковые права пользования» имели и жители союзов федерации Акуша-Дарго (ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 143. Л. 2). В ряде случаев совладельцы устанавливали конкретные сроки пользования совместной землей. Так, пастбищной горой Декъа 9 месяцев пользовались цудахарцы, а три месяца – губденцы (ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Ед.хр. 7. Л. 14). Пастбищем ГЯягИнцила 40 летних дней (период травостоя) пользовались уркарахцы, а в остальное время года – меусишинцы; горой Къяба с осени и до 40 дней лета пользовались меусишинцы, а в остальное время года – уркарахцы (Алиев Б.Г., 1972. С. 106). Община, регулируя пользование общественными землями, устанавливая определенные сроки, места и количество скота, разрешаемое пасти на том или ином участке, а также сроки переделов общественных покосов и пахотных земли, тем самым охраняла не только свою землю от всяких посягательств, но и оберегала частные земли, предупреждая возможность их потрав. В этом случае община выступала гарантом частной собственности своих членов.

Но в то же время, будучи гарантом частной собственности своих членов, охраняя эту собственность, и свою собственность от всяких посягательств, община наряду с тухумами как родственными группами и коллективами, являющимися промежуточными звеньями между общиной и малыми индивидуальными семьями, сама не отказывалась от некоторых прав на нее (частную собственность) и в какой-то форме контролировала или регулировала пользование ею. Земельная собственность членов общины находилась под определенной юрисдикцией последней, которая выражалась в том, что она запрещала ее продажу чужому, вне общины. Однако это не означало, что община имела какие-то иные права на собственную (частную) землю своих членов, она не могла распоряжаться частной земельной собственностью, кроме как запрещать ее продажу вне общины и регулировать проведение сельскохозяйственных работ, на чем мы остановимся ниже.

О запрете продажи частной земли вне общины и предпочтительной ее купле-продаже немало написано дагестанскими исследователями. Поэтому нет необходимости еще раз возвращаться к этому вопросу. Тем не менее и в данном случае необходимо хотя бы кратко остановиться на этом вопросе, чтобы показать, что, несмотря на наличие адатов, принятых общиной и запрещающих продажу частной земли вне общины, последняя не являлась ее собственником. Община имела на частную землю своих членов только косвенное или побочное право, которое в реальной жизни не соблюдалось, и в необходимых случаях, при желании частные собственники продавали свою землю, кому хотели, даже вне общины, в особенности участки, находившиеся на границе с другими общинами. Но, конечно, это вовсе не означает, что собственники земли сплошь и рядом нарушали общинные адаты о запрете продажи земли вне общины. Во многих дагестанских свободных общинах эти адаты предусматривали за их нарушение большие штрафы, и, естественно, частные собственники старались соблюдать их. Надо иметь в виду и то, что в горах продажа земли не являлась очень распространенным явлением, тем более вне общины, где сильны были кровно-родственные группы (тухумы), также

не допускавшие отчуждения собственности своего сородича не только вне общины, но и вне своей группы. Лишиться земли для общинника было чрезвычайным явлением, которое могло привести к непредсказуемым последствиям. И если земля и продавалась, то она оставалась внутри общины. Общинникам не было никакой выгоды от продажи своей земли чужаку, а если и возникала такая необходимость, то, безусловно, согласно адатам, сначала она предлагалась родственникам, имеющим право на ее покупку в первую очередь, а затем другим членам общины и т.д. И в то же время собранный нами материал показывает, что на практике свою землю общинник продавал, кому хотел. Так, часто (в Цахуре, Рутуле, Курахе, Варсите, Газия, Хунгия и т.д.) общинники беспрепятственно продавали пограничные участки жителям других сел (Полевой материал 1971–1973 гг., *Алиев Б.Г.*, 1999. С. 131). Кубачинцы, не имевшие пахотных земель непосредственно на своей территории, покупали их обычно в других селениях Кайтагского уцмийства (*Алиев Б.Г.*, 1999. С. 131; полевой материал 1970 г.).

Община, как уже было сказано, не являлась собственником частной земли. Она, как государство, была собственником своей коллективной, общеджамаатской земли, которая была отделена от частной земельной собственности точно так же, как последняя «сама непосредственно не являлась...общинной собственностью» (*Маркс К.*, 1956. С. 465), что было характерно для периода, когда земля еще «не была собственностью отдельного лица в отрыве от общины, а лишь владением этого лица» (*Маркс К.*, 1956. С. 465).

Остановливаясь на поднятом выше вопросе, хотелось бы отметить, что не везде, не во всех общинах существовали в изучаемое время адаты, запрещающие продажу частной земли вне ее. Об этом свидетельствуют как сами адаты (См.: Памятники обычного права..., 1965. С. 76; Из истории права..., 1968. С. 113, 115, 122, 127, 135, 136, 224), так и показания представителей различных общин, которые давали в сословно-поземельных комиссиях (Феодальные отношения ..., 1969. С. 146).

Имеющиеся многочисленные примеры по продаже земли являются свидетельством того, что в исследуемое время ограничения по ее продаже превращались в формальность там, где они были. В основном же этих ограничений не было вовсе во многих общинах. Стремление же общины все еще ограничивать право отчуждения земли было ее желанием и заинтересованностью, как и заинтересованностью общинной верхушки сохранить удобные им формы пользования землей. Тем самым община защищала и свои интересы, и невольно интересы общинной знати.

Однако все сказанное не меняло существа дела. Хозяин мюлька свободной общины не формально, а на самом деле в полном смысле слова являлся его собственником. Хотя частная земля (мюльк) в какой-то мере и выступает как опосредственная общиной, субъектом права собственности на ее все же являлась не община, а индивидуальная семья свободного общинника. Община же как собственник по отношению к частной земельной собственности (мюльку) теряет свое значение с прекращением периодических переделов и переходом пахотной земли в собственность индивидуальных семей свободных общинников. Об этом говорит и сама возможность продажи земли, и тот факт, что продает землю в конечном итоге не община, а частный собственник – свободный общинник. Община же по отношению к мюльку общинника – узденя имела лишь косвенное право, которое заключалось в том, что она устанавливала общие для всех сроки сева, начала уборки урожая зерновых и сена и регулировала пользование жнивьем, т.е. в какой-то мере регламентировала пользование частной землей. В этом проявлялась и

хозяйственная функция общины как верховного руководителя, но не собственника всей территории. Община была собственником только общинной, коллективной земли.

Как было отмечено выше, община выступала и как регулятор различных сельскохозяйственных работ, связанных с частной земельной собственностью. Это опять-таки своего рода контроль общины за использованием частной земельной собственностью своих членов, который хотя и ограничивал свободу распоряжения земельной собственностью, но выражал интересы всех жителей общины, всего коллектива кооператоров, живущих в ней. Это была одна из основных хозяйственных функций свободной общины Дагестана.

В чем же конкретно заключались хозяйственные функции общины в отношении частной земельной собственности?

Прежде всего эти функции выражались в том, что община регулировала начало посева зерновых культур. Сеять можно было только после проведения праздника первой борозды, который проводили в торжественной обстановке и который являлся всеобщим праздником. В нем участвовали все жители общины – от мала до велика. Здесь имели место быть различные обряды, но главное из них – это проведение первой борозды. Посеять определенный участок земли поручалось одному из наиболее авторитетных членов общины. И только после этого разрешался посев зерновых культур. Община не позволяла до этого выходить на пахотные поля и засеивать их. Нарушение адата влекло за собой наложение штрафа. Так, в адатах келебских селений сказано: «Если кто пойдет засеивать свой пахотный участок раньше, чем другие односельчане, с того взыскивается штраф в размере одной овцы» (Памятники обычного права..., 1965. С. 79). Комментируя эту статью адата келебцев, Х.-М.О. Хашаев писал: «Начало и конец сельскохозяйственных работ было принято объявлять криком эла (исполнителя. – Авт.). Тот кто нарушал установленные сроки работ, подвергался штрафу» (Памятники обычного права..., 1965. С. 79). Не только начало сева, но и начало жатвы зерновых в зависимости от того, в каком месте они созревали, также осуществлялось по распоряжению общины (в лице административных лиц и общинного совета).

Регулировала община и сбор сена, который также начинался одновременно. В адатах бежтинцев сказано: «Кто начнет косить сено раньше общества деревни, с того взыскивается одна мера какого-нибудь хлеба в пользу деревни» (Из истории права..., 1968. С. 58). Причем и собранное сено необходимо было возить в селение одновременно.

В ряде сел вообще ежедневные сельскохозяйственные работы начинались только с разрешения общины в лице административных лиц. В адатах дидойцев сказано: «Время и порядок (т.е. в каком месте и какие виды. – Авт.) сельских работ выкрикивается по утрам с мечети сельским старшиной» (Из истории права..., 1968. С. 79).

Община регулировала и пользование жнивьем. На нем пасли общественный скот, и ни один собственник пашни не имел права или огородить поле, или не пускать на него общественный скот. Переходили в введение общины после сбора сена и частные сенокосы, на которых также пасли скот членов общины. С обычаем пользоваться частной земельной собственностью членами общины связан и обязательный одновременный вывоз на поля удобрения. Причем в адатах ряда обществ это записано и нарушение его наказывалось штрафом.

Пастьба скота на жнивье и сенокосах, принадлежащих членам общины, означала, что их права как частных собственников на поля и луга временно попирались в пользу общины в целом, они переходили во временное ее распоряжение.

Общинная пастьба на жнивье и сенокосах частных лиц возможна была только при принудительном севообороте. Как указывал Ф. Энгельс, «этот так называемый принудительный выпас естественно требовал, чтобы время посева, как и жатвы, не зависело от воли отдельного лица, а было для всех общим и устанавливалось общиной или обычаем» (Энгельс Ф., 1961. С. 334).

Принудительный севооборот – это своего рода контроль общины над участками пахоты и луга, находящихся в собственности отдельных лиц – членов общины. В то же время, как справедливо пишет А.Д. Люблинская, принудительный севооборот был осознанной необходимостью, который при традиционной системе крестьянского хозяйства не ущемлял общих хозяйственных интересов крестьян в пользу коллектива. Но вместе с тем подобное положение могло быть бесконфликтным лишь в период относительно слабо развитой социально-экономической дифференциации.

Однако при характеристике хозяйственной функции общины очень важно подчеркнуть, что сплачивала ее в первую очередь именно эта сторона жизни. Она была главной и решающей. При наличии индивидуальных дворов и собственности на пашни и сенокос она тем не менее связывала сельскую общину (как и общинная земля) в единый производственный коллектив (Люблинская А.Д., 1978. С. 97). «...труд крестьянина в джамаате, – писал Р. Магомедов, – был организован и ... распорядок труда в сельских обществах был основан на силе привычки. Она вырабатывалась на протяжении тысячелетий и, несмотря на вторжение в жизнь людей новых экономических моментов, продолжала цепко держаться в джамаате» (Магомедов Р.М., 1957. С. 44).

Община регулировала также работы в садах и на виноградниках. Так, согласно существующему адату, общинники союзов сельских общин Нижнего Кайтага одновременно в установленные дни торжественно выходили на работы в садах. Дни пребывания в садах были настоящим праздником, сопровождавшимся музыкой, танцами, различными играми и угощениями. Раньше установленного общинной дня в сады нельзя было ходить.

В виноградарских обществах также работы, в особенности сбор винограда, регулировались общиной, которая руководствовалась уже установившимся адатом. Нарушивший адат подвергался штрафу. В отдельных обществах хозяин даже не имел права без разрешения общины сорвать кисть винограда из собственного виноградника. В адатах ботлихцев сказано: «Кто прежде времени станет есть хотя и свой виноград, с того 2 рубля в пользу джамаата» (Из истории права..., 1968. С. 22). В Муни и Ортоколо за преждевременное употребление винограда или если виноградные косточки были найдены на чьем-либо дворе, с того взыскивали в пользу общества одну корову (Из истории права..., 1968. С. 21).

Указанный ассортимент общинных сервитутов является свидетельством развитой системы коллективной организации сельскохозяйственного производства. Открытие поля, чересполосица, принудительный севооборот и выпас скота, строгая регламентация использования общинных угодий, общие для всех хозяев – членов общины сроки сева и сенокоса, жатвы, сбора винограда и т.д. – это регулирование, управление хозяйственной деятельности каждого крестьянина в интересах общины.

Вместе с тем, и это очень важно, такое регулирование было и в собственных интересах каждого члена общины, что отмечено и исследователями, занимающимися изучением общины и крестьянина для общины и других народов. В таких условиях все члены в равной мере были заинтересованы в надлежащей обработке

всех пахотных полей. Эта заинтересованность выражалась в требовании вывести на пахотные поля нужное количество удобрений, в том, что засеянные поля поступали под охрану общины в лице определенных ею охранников, а в основном исполнителей. Общинная администрация строго следила и оберегала пахотные поля и сенокосы от посягательств других частных. К нарушителям – посягателям на чужую земельную собственность община, руководствуясь существующими адатами, применяла строгие меры наказания – они штрафовались, и размер штрафов в разных общинах устанавливался самой общиной. Сервитуты, проявлявшиеся в различных формах установления контроля за использованием частной земель, не являлись исключительным явлением характерным только для народов Дагестана. Различные сервитуты были характерны и для других стран: России, Германии, Норвегии, Франции, древнего мира, Хорватии, стран Ближнего и Среднего Востока и т.д. (См.: *Риттих А.А.*, 1903, *Неусыхин А.И.*, 1955; *Анохин Г.И.*, 1971; *Люблинская А.Д.*, 1978; *Дубровский С.М.*, 1975; *Штаерман Е.М.*, 1965; *Давыдов А.Д.*, 1979; *Бромлей Ю.В.*, 1964).

Хозяйственные функции дагестанской свободной общины вытекали из наличия двух основных форм земельной собственности – общеджамаатской, с которой в основном было связано животноводство, при этом община руководила, регулировала и возглавляла пользование своими пастбищами, и частной (мюльковой), имевшей дело в основном с земледелием, пользование которой также регулировалось и контролировалось общиной. Сочетание этих двух дуальных форм земельной собственности как основы экономической жизни сельской общины, ее существования и устойчивости и вызвало необходимость регулирования пользования ими, что было первостепенной хозяйственной функцией общины как выразителя интересов своих членов, составлявших сообщество лично свободных частных собственников, заинтересованных не только в неприкосновенности и охране своей собственности, но и в правильной и рациональной организации пользования ею. Все хозяйственные функции общины были направлены именно на это. Поэтому община, хотя в какой-то мере и ограничивала свободу пользования как частной, так и своей коллективной землей, но она тем самым выражала интересы и своих членов, и сообщества последних в целом в своем лице как низовой политической структуры, входившей вместе с такими же структурами в более крупное политическое образование, каковым был союз сельских общин.

БИБЛИОГРАФИЯ

Агларов М.А., 1988. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.

Агларов М.А., 1964. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Т. 13. Махачкала.

Адаты даргинских обществ, 1873 // ССКГ. Вып. 7. Тифлис.

Адаты южно-дагестанских обществ, 1875 // ССКГ. Вып. 8. Тифлис.

Алиев Б.Г., 1966. Акуша-Дарго в XVII – XVIII вв. (Опыт монографического исследования социально-политической истории): Дис... канд. ист. наук // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 616.

Алиев Б.Г., 1968. История аулов Верхнего Кайтага // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 187.

Алиев Б.Г. 1972. Каба-Дарго в XVII–XIX вв. (Очерк социально-политической истории). Махачкала.

Алиев Б.Г., 1975. Общинное землевладение в Дагестане в позднем средневековье // ВИД (досоветский период). Вып. 2. Махачкала.

Алиев Б.Г., 1999. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). Махачкала.

Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С., 1970. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала.

Анохин Г.И., 1971. Общинные традиции норвежского крестьянства. М.

Асиятилов С.Х., 1967. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – первая половина XX в.). Махачкала.

Бромлей Ю.В., 1964. Становление феодализма в Хорватии. М.

Гидатлинские адаты, 1957 / Подг. к печати Х.М. Хашаев и М.С. Саидов. Махачкала.

Давыдов А.Д. 1979. Сельская община и патронимия в странах Ближнего и Среднего Востока. М.

Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Издание Закавказского статистического комитета, 1890. Тифлис.

Дубровский С.М., 1975. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М.

Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге с приложениями к ней // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 155.

Из истории права народов Дагестана (Материалы и документы), 1968 / Сост. А.С. Омаров. Махачкала.

Люблинская А.Д., 1978. Французское крестьянство в XVI–XVIII вв. М.

Магомедов Д.М., 1974. Земельные отношения у дидойцев в XVIII – нач. XIX вв. // ВИЭД. Сбор. научн. сообщ. Вып. 5. Махачкала.

Магомедов Р.М., 1957. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX века. Махачкала.

Мансуров Ш.М., 1995. Салатавия (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX в.). Махачкала.

Мансурова А.Г., 1995. Цудахария (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII – первой половине XIX в.). Махачкала.

Маркс К., 1956. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. М.

Маршаев Р.Г., 1957. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII – нач. XIX в. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Т. 3. Махачкала.

Неусыхин А.И., 1955. К вопросу о первом этапе процесса возникновения феодально-зависимого крестьянства как класса // Советское востоковедение. М.

Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв., 1965. Архив. матер. / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.

Петрушевский И.П., 1934. Социальная структура Джаро-Белоканских вольных обществ накануне российского завоевания // Исторический журнал. Т. 1. Л.

Полевой материал. Личный архив.

Риттих А.А., 1963. Крестьянское землепользование. СПб.

РФ ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 541.

РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5037.

Саидова М.В., 1947. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений и феодальным: Дис... канд. ист. наук. М.

Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. Архив. матер., 1969.
/ Сост., предисл. и примеч. Х.М. Хашаева. М.

Штаерман Е.М., 1965. Древний мир. М.

Энгельс Ф. 1961. Марка // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. М.

ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 140-в.

ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 143.

ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 7.

ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 30.

ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1.